

Юлия Беринг

ОТЧИСЛЕНИЕ

Игрушка жестокого наследника.

Ты знал, что я невиновна,
но солгал против меня!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого наследника.
Ты знал, что я невиновна,
но солгал против меня!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты знал, что я невиновна, но солгал против меня! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я поступила в элитную юридическую академию под чужой фамилией, чтобы скрыть позор семьи. Но Марк Ветров, жестокий сын декана, узнал мой секрет. — Будешь шпионить для меня, Алиса. Иначе все узнают, кто ты на самом деле! Я согласилась, чтобы сохранить стипендию. Он контролировал каждый мой шаг, заставлял предавать однокурсников и называл своей игрушкой. А потом меня обвинили в краже экзаменационных материалов. Марк мог подтвердить мою невиновность. Но публично солгал! Я потеряла всё. Теперь у меня есть доказательства преступлений его семьи и подставы моего отца. Он хочет моего прощения. А я собираюсь вернуть своё настоящее имя и заставить всех предателей ответить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Ты знал, что я невиновна, но солгал против меня!

Глава 1

Правило номер один: не дыши слишком громко. Правило номер два: смотри в пол, но так, чтобы никто не заметил твоего страха. Я вошла в лекционный зал «Римское право», чувствуя, как спина прилипает к лямкам рюкзака от пота. Мне нужно было сесть на галерку. В самом темном углу, где свет ламп не достаёт до лица, а преподаватель видит только силуэт. Там я буду просто точкой. Просто статистикой для стипендиального фонда.

В паспорте я оставалась Волковой. В учебных списках — Ветрова: куратор фонда вписала чужую фамилию и велела молчать, если хочу получить место. Я подписала стипендиальный договор. Три года назад отец проверял счета этого же фонда; после обвинения в хищении он не выдержал, а мама уехала и почти перестала звонить. Фамилия Волковых здесь означала скандал. Чужая обещала оплату учебы и комнату. Первый день занятий я встретила с чужой фамилией на бейдже и своей подписью под ложью.

Но когда я шагнула за порог, воздух будто загустел. Все головы повернулись. Не ко мне — к первой парте. Кира Ланская сидела там, раскинув ноги и поправляя идеальные локоны. Она не подняла глаз от телефона, пока я не поравнялась с её рядом.

— Ты, новенькая, — голос Киры был сладким, как прокисший мёд. — Садись сюда.

Я замерла. В зале повисла тишина, звенящая, как струна перед разрывом.

— Что? — выдохнула я.

— Чтобы ты лучше видела доску, студентка, — она наконец посмотрела на меня. Её глаза были пустыми и жестокими. — А то вдруг твои... специфические обстоятельства помешают тебе усвоить материал на задних рядах.

Это была ловушка. Сесть здесь означало быть под прицелом всех камер наблюдения, всех взглядов элиты курса и, главное, профессора Верещагина, который любил вызывать тех, кто сидит ближе всего. Мой план «растворения» трещал по швам. Я чувствовала, как пальцы сводит судорогой. Если я откажу — скандал. Если соглашусь — я стану мишенью.

Я молча подошла к парте. Ноги стали ватными. Когда я села, стул скрипнул так, что кто-то на галерке хихикнул. Я сжала кулаки под столом, впиваясь ногтями в ладони до боли. Не дай им повод. Не дай им увидеть кровь.

Перерыв стал спасением, которое обернулось новой раной. Я юркнула в коридор, надеясь переждать волну внимания в туалете, но столкнулась с Денисом Грозовым. Капитан команды дебатов выглядел безупречно: чистый воротник, спокойный взгляд.

— Алиса, верно? — он улыбнулся тепло, искренне. — Ты бледная. У тебя есть конспекты по предыдущей теме? Я могу скинуть свои, если хочешь. Или мы можем вместе пройти по архивам библиотеки после пар. Помощь нужна всем, особенно тем, кто только начинает.

Его доброта была опаснее ненависти Киры. Он смотрел на меня слишком внимательно. Слишком долго. Он искал в моих глазах ответ на вопрос, которого я не задавала вслух: кто ты такая?

— Я не беру чужие конспекты. Академическая честность, всё такое, — мой голос дрогнул, но я заставила себя произнести это сухо, будто повторяла за преподавателем. — Я справлюсь сама.

Денис моргнул. Улыбка погасла, сменившись недоумением.

— Прости. Я просто хотел помочь.

Он отвернулся первым. Я сделала шаг назад, в тень колонны, и почувствовала укол вины. Но тут же его проглотила паника. Денис заметил бы несоответствия. Заметил бы, как я путаюсь в датах или не знаю сленга местных. Его союз стоил мне безопасности. Я оттолкнула единственную руку помощи, чтобы остаться живой.

Чтобы успокоиться, я пошла в архив библиотеки. Тихий, пыльный уголок здания, где пахло старой бумагой и плесенью. Мне нужно было найти книгу по праву римских императоров, чтобы занять руки и голову чем угодно, кроме собственного ужаса.

Стеллажи тянулись вглубь, словно лабиринт. Между двумя высокими шкафами стоял мужчина. Высокий, в черном худи, спиной ко мне. Он листал старую папку с желтыми краями. Я хотела развернуться, но он резко повернул голову.

Марк Ветров. Сын декана. Тот самый парень, о котором шептались все девушки и боялись все парни. Его лицо было каменным, а глаза — серыми, как зимнее небо над городом. Он не удивился моему появлению. Он просто смотрел. Долго. Тяжело.

В его руках лежала папка с грифом «СЛУЖЕБНОЕ». На обложке читалась дата — три года назад — и пометка об отчислении по делу о подлоге. Имя закрывали его пальцы.

Моё сердце пропустило удар. Он знал. Или подозревал. От пыли першило в горле, но я боялась даже кашлянуть. Я задрожала, но заставила себя выпрямить спину.

— Здравствуйте, — сказала я, делая вид, что ищу нужную книгу на верхней полке. Пыль с корешков липла к влажным пальцам. — Я ищу том двенадцатый. По гражданскому обороту.

Марк не ответил. Он закрыл папку, положил её обратно и сделал шаг в мою сторону. Его присутствие заполнило всё пространство между нами. Я чувствовала запах его сигаретного дыма и холодного воздуха с улицы.

— Ты нервничаешь, — констатировал он. Не вопрос. Утверждение.

Я не знала, куда смотреть. Уставилась на его грудь, на эмблему академии, вышитую на ткани. Любая точка, кроме его лица.

— Я просто ищу книгу, — повторила я тише.

Он усмехнулся. Одними уголками рта. Это было страшнее крика.

Я схватила свой рюкзак и выбежала из архива, не оглядываясь. Сердце колотилось так, что отдавало в висках.

На выходе из библиотеки меня ждал лифт. Я нажала кнопку вызова, молясь, чтобы двери открылись быстрее. Марк вышел следом. Тишина коридора давила на уши.

— Ты знаешь слишком много, чтобы молчать, — его голос прозвучал совсем близко, у самого уха.

Я вздрогнула, но не обернулась. Двери лифта распахнулись. Я шагнула внутрь, инстинктивно прижавшись к задней стенке кабины.

Марк не вошел. Он остался снаружи, опираясь плечом о дверной косяк.

— Почему ты так испугалась Киры сегодня утром? — спросил он, глядя мне прямо в глаза через открытые двери. — Она просто указала тебе место. А ты смотрела на неё так, будто она держит пистолет.

Я стиснула челюсти. Холодная вежливость — моя броня. Если я покажу страх, он добьет меня.

— Я уважаю старших курсов, — ответила я ровно. — И ценю порядок.

Двери начали закрываться. Последним, что я увидела, была его улыбка. Медленная, хищная. Ему стало интересно. Стандартное запугивание не сработало. Сейчас я не заплакала и не начала оправдываться. Похоже, именно это его заинтересовало.

Комната общежития встретила меня темнотой. Я включила настольную лампу и пошла переодеваться. Рюкзак валялся на полу. Шкаф был приоткрыт.

Моя кровь стыла в жилах. Я никогда не оставляла его открытым. Никогда.

Я рванула дверцу. Полки перевёрнуты вверх дном. Моя записная книжка — черная, с замком, где я случайно написала своё настоящее имя на полях, потому что привычка сильнее разума, — исчезла.

Она не просто пропала. Её украли.

Я бросилась к телефону, чтобы позвонить в охрану, но палец завис над экраном. Охрана вызовет ректора. Ректор проверит документы. Документы фальшивые. Меня выгонят. Или хуже — посадят.

Мы знаем, где ты живешь, — шептал голос в голове. План стать невидимкой умер. Я была видна. Очень хорошо видна.

Ночью я не могла уснуть. Каждый скрип пола в коридоре отзывался в теле болью. В два часа ночи я вышла за водой в общий санузел на этаже. Коридор был пуст, лишь дежурный студент сидел на подоконнике, играя в телефон.

Антон. Из группы поддержки Киры.

— Нервничала в библиотеке, да? — не поднимая глаз, спросил он. — Видел, как ты оттуда вылетела. Белая, как мел.

Я остановилась. Горло пересохло.

— Что вам надо?

— Может, расскажешь, что ты там искала? — Антон поднял глаза. В них плескалась скука и жестокость. — Кира любит знать детали. Заподозрили нарушение порядка. Могу доложить ректору. Сама понимаешь, для стипендиатки это конец.

Он использовал механизм травли снизу. Не королева, а её пешки. Мелкие исполнители, которые получают удовольствие, разрушая жизнь таких, как я.

Я сделала глубокий вдох. Страх никуда не делся, но он превратился в ледяную ярость.

— Я искала учебник, — сказала я твердо, глядя ему прямо в лицо. — И если ты будешь распространять ложные сведения о моем поведении без доказательств, я подам жалобу на харассмент и клевету. Во внутреннем регламенте есть пункт о защите студентов от травли. Хочешь проблем, Антон? Или хочешь, чтобы твой отец узнал, что ты занимаешься стукачеством ради карманных денег?

Его лицо исказилось. Он не ожидал сопротивления. Он привык к жертвам, которые плачут.

— Ты пожалеешь, — прошипел он, но встал и ушел, хлопнув дверью своего номера.

Я вернулась в комнату, заперлась на замок и легла на кровать, уставившись в потолок. Блеф удался. Пока. Но завтра будет новый день. Новый урок. Новая проверка.

Утро началось с тумана. Я шла на первую пару, чувствуя себя выжатой тряпкой. Голова болела. В аудитории уже сидели студенты. Я заняла свое место в первом ряду, напротив окна. Солнце било прямо в глаза, слепя.

Кира прошла мимо, даже не взглянув. Сегодня ей было не до меня. У неё была своя цель.

Я положила рюкзак на колени. Пальцы дрожали, когда я расстегнула молнию. Внутри, среди тетрадей и ручек, лежал черный предмет.

Записная книжка.

Я выхватила её и едва не выронила от неожиданности. На обложке была закреплена маленькая белая карточка. Аккуратный, мужской почерк, острые углы букв:

«Не испытывай моё терпение. Твои секреты теперь мои.»

Внизу был поставлен рисунок — маленькая паутина.

Значок Марка.

Он вернул улику. Он показал, что может забрать её в любой момент. Что он контролирует каждый мой шаг, каждую мою мысль. Я чувствовала себя полностью раздетой, стоящей посреди зала в одной рубашке под пристальными взглядами сотен людей.

Но странная вещь произошла внутри. Боль от унижения смешалась с чем-то другим. Жаром. Опасностью.

Он не хотел меня сдать. Он хотел меня иметь.

На карточке под его словами чернела паутина. Я провела большим пальцем по краю бумаги и спрятала её в дневник. Впервые за три года моя тень казалась слишком короткой: он всё равно находил меня.

Глава 2

Архив академии пахнет старым деревом, плесенью и тем особым, густым запахом страха, который я научилась распознавать как свой собственный парфюм. Мне девятнадцать, я ношу чужое имя на стипендиальном бланке и делаю вид, что меня не существует. План был прост: выжить, не привлекать внимания, исчезнуть в толпе таких же серых «стипендиатов». Но судьба, похоже, имеет специфическое чувство юмора и любит ставить подножки именно тогда, когда ты думаешь, что уже перешла финишную черту.

К вечеру второго дня я снова зашла сюда за справкой о задолженности по библиотеке — мелочь, которая могла стоить мне отчисления. Дверь в архивный отсек была приоткрыта. Голоса внутри были знакомыми: декан Ветров и его тень-секретарь. Из соседней комнаты они обсуждали даты. «Задним числом», «подпись должна быть свежей», «Ланская не заметит». Потом секретарь спросил о входе на сервер, и декан раздраженно бросил: «Моя дата рождения. Не меняй до конца сверки». Фраза про Ланскую зацепила мой мозг, как крючок. Я замерла у порога, чувствуя, как холод пробрался под куртку. Внутри, на столе, лежал черновик протокола совещания. Старая дата была зачеркнута, новая вписана поверх. Рядом — пометка о подписи декана.

Инстинкт самосохранения кричал: беги. Жадность или, может быть, надежда на то, что эта бумага станет моим щитом против их произвола, толкнули меня внутрь. Пальцы дрожали, когда я схватила листок, сунула его во внутренний карман куртки и попятилась к двери.

Тук-тук-тук. Шаги охранника. Тяжелые, уверенные, они приближались со стороны главного коридора. Я бросилась в темноту между высокими стеллажами с юридическими кодексами. Спину прижала к ледяному металлу полка. Воздуха не хватало. Сердце билось так громко, что, казалось, эхо разносится по всему зданию. Я затаила дыхание, впиваясь ногтями в ткань куртки, пытаюсь стать частью тени, стать ничем.

Свет фонаря полоснул по лицу. Ослепительный луч прыгал между стеллажами, высвечивая облачки пыли. Он двигался прямо ко мне. Если он посмотрит чуть ниже... если увидит мои кеды...

Я инстинктивно отвернулась, зажмурившись, надеясь, что тень скроет черты. Мой лоб упирался в холодную стену. Я чувствовала запах ржавчины и собственного пота. Не дыши. Не шевелись. Тебя здесь нет.

Внезапно рука, сильная и горячая, метнулась из темноты соседнего прохода. Она перехватила мое запястье с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Резкий рывок дернул меня из укрытия, загоняя в узкую нишу между книжными шкафами. Я открыла рот, чтобы крикнуть, но чья-то ладонь грубо закрыла мне губы. Запах табака и дорогого одеколона ударил в нос. Знакомый до боли.

— Тсс. Ты хочешь, чтобы тебя нашли? — голос Марка Ветрова был тише шелеста страниц, но в нем звенела сталь.

Мы стояли вплотную. Его тело блокировало мой выход, а его взгляд, темный и пронзительный, изучал меня с интересом хищника, загнавшего добычу в угол. Охранник прошел мимо, его шаги затихли в коридоре. Но я не расслабилась. Наоборот, напряжение только росло.

Марк не убирал руку от моего рта сразу. Он держал её там, давя на челюсть, пока я не перестала пытаться вырваться. Только тогда он медленно отвел пальцы, но не отошел. Напротив, он склонился ближе, вдыхая воздух рядом с моей щекой. Я чувствовала тепло его дыхания на своей коже, и это было невыносимо интимно для человека, которого я ненавидела.

— Объясни, Алиса, — прошипел он, называя меня по имени с той уверенностью, от которой хотелось проверить замок на дневнике. От этого слова у меня мурашки побежали по

спине. — Зачем ты здесь? И почему у тебя дрожат руки? Это не от холода. Архив отапливается лучше, чем общежитие. Это от вины. Что ты украла?

Его пальцы впивались в мое плечо через ткань куртки. Боль была острой, четкой. Я молчала, сжимая зубы. Моя легенда о случайной прохожей рассыпалась прахом. Он видел меня. Он знал.

— Молчание — это тоже ответ, — усмехнулся он. Усмешка была кривой, жестокой. — Но я предпочитаю действия.

И тут я сделала то, чего он не ждал. Я ударила его локтем в солнечное сплетение. Это был грязный, отчаянный прием, которому меня учил отец в те редкие вечера, когда он еще мог стоять на ногах. Удар получился слабым, потому что он всё еще держал меня за запястье, но эффект был мгновенным. Марк хрипнул, его тело напряглось.

Но он не выпустил меня. Наоборот, скорость реакции у него была звериной. Он перехватил мою вторую руку, заломывая её за спину с такой легкостью, будто я была куклой. Боль пронзила плечо, искры посыпались перед глазами. Я вскрикнула, но звук захлебнулся в горле.

Он отпустил заломленную руку, развернул меня лицом к себе и прижал спиной к стеллажу. Металл впился в лопатки. Его лицо оказалось в сантиметрах от моего. Я видела расширенные зрачки, видела пульсирующую жилку на его виске.

— Не смей, — прошептал он мне в ухо, и его голос был бархатистым ядом. — Я могу сделать так, что твоя стипендия исчезнет до того, как ты успеешь моргнуть. А могу сделать так, что ты останешься здесь навсегда. Выбирай.

Меня трясло от боли и от осознания масштаба угрозы. Он не блефовал. Марк Ветров был сыном декана, негласным королем курса. Для него уничтожить жизнь студентки-стипендиатки было проще, чем переключить канал на телевизоре.

— Отпусти, — выдавила я, задыхаясь.

Он отпустил, но не отошел. Вместо этого его свободная рука скользнула к моему внутреннему карману. Я попыталась защититься, но он был быстрее. Пальцы коснулись бумаги.

— Ага, вот оно, — сказал он удовлетворенно.

Он вытащил мятый листок протокола. Развернул его, держа двумя руками, и начал читать вслух, растягивая слова:

— «Подпись декана... дата задним числом... корректировка реестра активов фонда "Ланская"...» Ты даже не представляешь, во что ты влезла, девочка. Это уже преступление. Финансовый подлог. Там уже пахнет уголовным делом. А тебя поймают с украденным протоколом.

Кровь отхлынула от лица. Я поняла, что совершила катастрофическую ошибку. Я думала, что нашла ключ, а нашла петлю на шее.

Марк поднял глаза от бумаги. В них не было торжества, только расчетливый холод.

— Тебе нужна эта бумага? Нет. Тебе нужно жить. И учиться. Бесплатно.

Он порвал документ пополам. Звук разрыва бумаги показался мне оглушительным. Одну половину он аккуратно сложил и положил во внутренний карман своего пиджака. Вторую сунул обратно в мой карман.

— Вот сделка, Алиса. Ты станешь моими глазами и ушами внутри группы Киры Ланской. Ты будешь знать всё, что они планируют, и передавать мне. За это я не отправляю твою часть документа ректору. За это ты продолжаешь носить чужое имя и получать стипендию.

Я смотрела на него, чувствуя, как мир вокруг сужается до этой точки. Предательство. Рабство.

— Нет, — сказала я твердо, хотя голос предательски дрожал. — Я не шпионка.

Марк рассмеялся. Коротко, сухо.

— Ты уже стала ею, как только взяла этот листок. Это страховка. Теперь мы связаны. Если ты сдашь меня или провалишь задание, вторая половина попадет ректору. И твое имя

будет в списке тех, кого выгнали за фальшивые документы. Или хуже. В колонии никому не интересно, в какой академии ты училась. Думаешь, фамилия в договоре тебя защитит?

Вот зачем он вытащил меня из-под фонаря охранника. Я всегда считала Марка просто высокомерным богачом, избалованным сынком декана. Манипулятором ради развлечения. Но сейчас я увидела другую грань. Он использовал эту систему так же, как она использовала меня. Он держал козырь не ради садизма, а ради контроля. Он знал больше, чем говорил. И теперь я была частью его игры.

— Почему ты хочешь знать, что делает Кира? — спросила я тихо.

Его лицо на мгновение окаменело. Маска циника треснула, показав что-то темное, живое и болезненное под ней.

— Потому что она опаснее, чем тебе кажется. И потому что я хочу убедиться, что следующий ход будет за мной.

Он развернулся и направился к выходу. Его шаг был уверенным, спокойным. Он не боялся, что я пойду за ним. Даже не проверил, иду ли я следом. Ноги не слушались, и он наверняка это видел.

У самой двери он остановился, не оборачиваясь.

— Жду отчета к вечеру. По дебатам. Что Кира собирается говорить на дебатах.

Тишина повисла в воздухе.

— И Алиса? — добавил он, бросив через плечо взгляд, от которого мне стало холодно до костей. — Надень другую куртку. Эта пахнет страхом.

Дверь скрипнула и закрылась. Я осталась одна в темном углу между стеллажами. В кармане лежал обрывок бумаги — половина доказательства моего преступления. Половина моей свободы.

Глава 3

Я медленно сползла по стене вниз, садясь на холодный пол. Руки все еще дрожали, но теперь это была не вина. Это была ярость. Тупая, бессильная, но настоящая. Я потеряла запястье, где остались синие следы от его пальцев. Кожа горела.

Мой план стать невидимкой умер сегодня в этом архиве. Я потеряла контроль над своими секретами, став игрушкой в руках самого опасного человека в академии. Отношения с Денисом, единственным, кто проявлял ко мне человеческое участие, были испорчены моей грубостью вчера на перерыве. Кира уже приказала мне сесть на первую парту, словно я была её вещью. Завтра она придумает что-нибудь ещё.

За дверью шуршали шаги, и от каждого шороха я вжимала голову в плечи. Никто из тех, кому я могла бы позвонить, не знал, где я. Никто не придет спасать. Марк не спасет. Он использует.

Но одновременно, глубоко внутри, под слоем паники, вспыхнул крошечный, злой огонек. Стимул. Я должна выжить. Я должна играть по правилам Марка, пока не найду способ сломать их. Пока не узнаю, почему он так боится Кире. Пока не стану сильнее.

Я достала телефон. Экран светился тускло в полутьме. 18:45. До вечерней репетиции дебатов оставалось пятнадцать минут. Нужно было собрать информацию. Нужно было стать идеальной шпионкой.

Я встала, отряхнула пыль с джинсов и посмотрела на дверь. Холодный металл лифта ждал меня в конце коридора. Я вышла из архива, чувствуя, как кровь пульсирует в висках. Мир стал другим. Более жестким, более прозрачным и более смертельно опасным.

Жизнь только что перестала принадлежать мне. Теперь она была предметом сделки. И я собиралась выполнить условия. Любым способом. Даже если для этого придется продать душу. Хотя, возможно, у меня её уже не осталось после сегодняшнего дня.

Я шла по пустому коридору, слыша, как мои собственные шаги отдаются эхом в каменной кладке стен. Впереди ждала ночь, ждали дебаты, ждала Кира с её улыбкой акулы. И ждал Марк, который уже, вероятно, сидел в своём кабинете, просматривая видео с камер наблюдения, проверяя, выполню ли я первую часть задания.

«Надень другую куртку», — вспомнила я его слова. Я не могла позволить себе роскошь менять одежду. У меня была только эта. Пахнущая потом, пылью и унижением. Но я выпрямила спину. Подбородок вверх. Глаза вперед.

Если он хочет, чтобы я была его глазами, я стану лучшим наблюдателем, которого он когда-либо видел. Если он хочет, чтобы я была его ушами, я услышу то, что он даже не подозревает.

У комнаты дебатов за стеклянной дверью виднелась Кира. Я остановилась у стенда с расписанием, притворившись, что читаю его.

— На дебатах давим на источник цифр Громова, — сказала она Антону. — Спросят ссылки — он поплывет. Его папа платит фонду, а он строит из себя независимого.

Я записала на телефоне тему и название фонда, которое продиктовала Кира. Встречаться с её пешками внутри комнаты не пришлось. Через сорок минут они наконец разошлись.

Я достигла лифта. Нажала кнопку вызова. Кабина прибыла почти мгновенно, как будто кто-то ждал меня сверху. Двери распахнулись. Внутри было пусто, стерильно чисто, пахло озонированным воздухом.

Шагнув внутрь, я почувствовала, как сердце пропустило удар. На полу кабины, ровно посередине, лежала маленькая серебряная заколка в форме буквы «К». Кира. Она была здесь. Или оставила это как предупреждение.

Я подняла заклепку. Она была холодной и тяжелой. В руке она ощущалась как оружие. Или как улика.

Лифт двинулся вниз. Цифры на табло менялись: 3... 2... 1.

Двери открылись. Передо мной был холл первого этажа. И там, у стойки ресепшн, стоял Марк. Он не смотрел на меня. Он разговаривал по телефону, повернувшись спиной. Но я знала, что он чувствует мой взгляд. Как хищник чувствует присутствие другой хищницы.

Он закончил разговор, повесил трубку и, не оборачиваясь, сказал:

— Долго собиралась. Я успел вернуться за тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.